

УДК 94 (476) «18/19»

А.Д. Кузьмин

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ЧИНОВНИКОВ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В 1864–1914 ГГ.

В статье рассматриваются социальный состав и уровень образования служащих белорусских губерний в 1864–1914 гг. на основе анализа формулярных послужных списков чиновников, а также Памятных книжек. Автор изучил источники комплектования местной бюрократии, определил степень участия представителей различных слоёв населения в управлении обществом посредством государственной службы. Практическая значимость работы определяется возможностью использования её материалов в исследовании социальной и культурной истории Беларуси, истории государства и права, а также в исторической антропологии.

Введение

Основным видом источников для характеристики состава чиновничества белорусских губерний являются формулярные списки. Конечно, использование одного вида источников неизбежно вызывает вопрос о его репрезентативности. Формулярные списки являлись официальными документами, подтасовка или искажение информации в которых были практически невозможны. Для того чтобы выявить динамику изменений в составе бюрократии белорусских губерний в течение рассматриваемого периода, нами были проанализированы списки служащих губернских и уездных учреждений за 1864–1876 гг., а затем сделано то же самое за 1900–1914 гг. Естественно, в архивах сохранились не все документы такого рода. По первому периоду удалось изучить 263 формулярных списка, а по второму – 118. Т.е. пришлось иметь дело с так называемой естественной выборкой. Она по определению не может дать точных сведений о составе бюрократии, однако достаточно чётко свидетельствует о тенденциях, имевшихся в рассматриваемый период.

Социальный состав и уровень образования чиновников белорусских губерний в 1864–1914 гг.

Прежде всего обратимся к социальному составу чиновничества белорусских губерний в 1864–1914 гг. Изучение данного вопроса представляет первостепенный интерес с точки зрения выявления источников комплектования местной бюрократии. Установление круга этих источников, а также изучение эволюции чиновничества за определённый временной промежуток позволяет не только представить социальный облик бюрократии того времени, но и охарактеризовать процессы социальной мобильности, определить степень участия представителей различных слоёв населения в управлении обществом посредством государственной службы.

Под социальным составом чиновничества будет пониматься дифференциация служащих на социальные группы и слои в зависимости от их происхождения (дети потомственных дворян, церковнослужителей, обер-офицеров, чиновников, личных почётных граждан и т.д.), а не по формальной их принадлежности к тому или иному сословию или группе, которая в значительной степени определялась служебным статусом служащего, в частности его рангом, наличием особых заслуг и знаков отличия.

Анализ формулярных списков белорусских чиновников позволил составить две таблицы, в которых систематизированы полученные данные. В них все служащие разделены на несколько групп. В первую включены чиновники, в формулярных списках которых сказано, что они выходцы «из дворян». Остальные группы представлены чиновниками недворянского происхождения: дети духовенства, обер-офицерские дети

(сыновья солдат, дослужившихся до первого офицерского чина), потомки чиновников, выходцы из купечества, мещан и крестьян. Результаты исследования послужных списков 1864–1876 гг. приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Социальный состав чиновников белорусских губерний в 1864–1876 гг.

Класс	Всего служащих	Происхождение							
		Дворяне	Церковно-служители	Обер-офицеры	Чиновники	Купцы	Мещане	Крестьяне	Прочие
III	–	–	–	–	–	–	–	–	–
IV	5	5	–	–	–	–	–	–	–
V	5	2	3	–	–	–	–	–	–
VI	5	2	1	1	–	–	1	–	–
VII	17	11	2	4	–	–	–	–	–
VIII	29	17	6	4	1	–	–	–	1
IX	36	23	5	4	3	–	1	–	–
X	37	17	9	9	2	–	–	–	–
XII	48	24	14	6	2	–	1	1	–
XIV	31	12	10	6	1	–	–	–	2
Без чина	50	18	17	11	3	–	–	–	1
Всего	263	131	67	45	12	–	3	1	4
%	100	50	25,6	17,1	4,6	–	1,1	0,4	1,5

Материалы таблицы показывают, что в 1864–1876 гг. на государственной службе преобладало дворянство. Выходцы из этого сословия составляли примерно 50% чиновников канцелярий губернаторов, губернских правлений, губернских и уездных полицейских управлений, дворянских опека, уездных судов. Впрочем, с другой стороны, необходимо обратить внимание, что дворянское доминирование в бюрократической среде не было абсолютным. Приведённые цифры убедительно свидетельствуют о том, что государство, испытывая недостаток в кадрах для своего аппарата, вынуждено было принимать на службу не только выходцев из высшего сословия, но и значительное число лиц из других слоёв населения. Так, выходцы из духовенства составляли 25,6%, сыновья обер-офицеров – 16,8%, потомственные чиновники – 4,6%. Все остальные социальные группы дали в сумме только 3% чиновников [1–5]. Низкий удельный вес купцов, мещан, крестьян и прочих разночинцев в данной среде объясняется господствовавшей в стране системой сословных отношений, при которой переход из одного состояния в другое был чрезвычайно затруднён.

Анализ социального состава белорусских государственных служащих свидетельствует, что вторым по значимости источником пополнения местной бюрократии была среда священнослужителей. Судя по архивным материалам и отзывам современников, кадры из данного сословия отличались не только большим количеством, но и неплохим качеством подготовки службы. Обращаясь к причинам большого представительства духовного сословия в среде чиновничества белорусских губерний, надо отметить, что, согласно действовавшему тогда закону, дети священнослужителей имели приоритетное право поступать на коронную службу наряду с дворянами, сыновьями купцов 1-й гильдии, детьми чиновников, художников и учёных. Однако не только закон способствовал устройству детей священников в государственный аппарат на службу. Лица, вышедшие из духовенства, были наиболее образованными (после дворянства) среди представителей разночинной среды и составляли в качественном отношении неплохую часть провинциального чиновничества. Кроме того, идти на государственную службу их заставляла сама жизнь. Семьи священников были традиционно многодетными, поэтому не все дети могли получить приход по наследству и выходили из своего сословия, где единственным способом прокормить себя была государственная служба. Сохранившиеся ар-

живные материалы дают немало примеров успешного карьерного роста выходцев из духовенства. Например, одним из образцовых чиновников был сын священника Каллистрат Александрович Костко, который в 1886 г. был старшим чиновником особых поручений при могилёвском губернаторе. Окончив Могилёвскую духовную семинарию с аттестатом 1-го разряда, он в возрасте 20 лет был определён в штат Могилёвского губернского правления и утверждён в чине коллежского регистратора. Далее Каллистрат Александрович продвинулся по служебной лестнице, приобретая не только чины, но и награды за «отлично усердную службу». В 1876 г. он получил орден «Св. Станислава 3-й степени», а в 1882 г. был награждён орденом «Св. Анны 3-й степени» [6, л. 32–35].

Дети церковнослужителей, вошедшие в состав бюрократии, обучались преимущественно в духовных уездных училищах и семинариях. Духовные семинарии обеспечивали своим учащимся разностороннее образование, что позволяло последним занимать ряд должностей, требующих наличия специфических знаний. Именно поэтому нередко дети священников, дьяконов, причетников и т.п., а также учащиеся из других социальных слоёв в духовные учебные заведения шли ради образования, а не ради будущей духовной профессии.

В 1900–1914 гг. социальный состав чиновников белорусских губерний выглядел иначе. Об этом свидетельствуют данные таблицы 2.

Таблица 2 – Социальный состав чиновников белорусских губерний в 1900–1914 гг.

Класс	Всего служащих	Происхождение							
		Дворян	Церковнослужители	Обер-офицеры	Чиновники	Купцы	Мещане	Крестьяне	Прочие
III	–	–	–	–	–	–	–	–	–
IV	5	4	–	–	1	–	–	–	–
V	6	2	1	–	–	1	1	1	–
VI	1	1	–	–	–	–	–	–	–
VII	9	3	3	2	1	–	–	–	–
VIII	5	2	–	2	1	–	–	–	–
IX	5	–	–	–	1	–	2	1	1
X	14	3	1	–	3	–	2	3	2
XII	21	2	3	1	4	–	7	3	1
XIV	20	2	3	–	1	–	7	6	1
Без чина	32	–	6	–	4	–	13	8	1
Всего	118	19	17	5	16	1	32	22	6
%	100	16,1	14,4	4,2	13,6	0,8	27,1	18,6	5,1%

В 1900–1914 гг. дворянство потеряло свою прежнюю роль основного поставщика кадров. Удельный вес чиновников из духовного сословия значительно снизился, что было связано с появившейся конкуренцией со стороны представителей низших сословий. Свою роль здесь сыграл указ от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний», по которому сословный ценз чиновничества был фактически отменён [7]. Тем не менее духовенство по-прежнему предоставляло местной администрации трудолюбивых и исполнительных мелких и средних чиновников.

Резко выросло на государственной службе представительство мещан, потомственных чиновников и крестьян. Если в 1864–1876 гг. они составляли лишь 6,1% чиновников, то теперь выходцы из этих сословий составили 59,3% служащих местного государственного аппарата. Выходцы из крестьянства обогнали детей дворян по числу своих представителей в органах государственной власти. Они были движимы желанием несколько улучшить свое материальное положение и подняться чуть выше по социальной лестнице. Правда, как следует из таблицы, и крестьянские, и мещанские отпрыски

занимали низшие должности в государственных учреждениях. Тем не менее само их появление на государственной службе стало весьма знаменательным явлением.

В 1864–1876 гг. на третьем месте по численности среди провинциальных чиновников, как видно из таблицы 1, находились обер-офицерские дети, однако в течение рассматриваемого периода их удельный вес серьёзно снизился (до 4,2%).

Резюмируя сравнительный анализ данных, относящихся к началу и к концу рассматриваемого периода, можно сказать, что в конце XIX – начале XX вв. шёл процесс «раздворянивания» государственной службы, выражавшийся в вытеснении дворян разночинцами. Можно сказать, что фактически реализовывался принцип рекрутирования служащих для бюрократического аппарата из всех слоёв населения.

Советские историки обычно пытались принизить значимость раздворянивания чиновничества. Во-первых, они обращали внимание на то, что самодержавие, принимая на службу лиц недворянского происхождения, делало всё возможное, чтобы сохранить в руках дворянства господствующие позиции в государственном аппарате. Во-вторых, как писал Н.П. Ерошкин, попав в привилегированную среду табельного чиновничества, представитель иного сословия становился дворянином или стремился выслужиться в дворяне, полностью усваивал взгляды и мораль, всю идеологию дворянской бюрократии, абсолютистского государства. Этот постоянный приток в дворянскую бюрократию свежих сил из других сословий укреплял самодержавную государственность, содействовал консервации абсолютизма и самой дворянской бюрократии [8, с. 195]. Если с первым аргументом можно согласиться (в белорусских губерниях высшие должности на протяжении всего рассматриваемого периода оставались в руках дворян), то со вторым можно поспорить. Тезис Н.П. Ерошкина, возможно, справедлив для второй половины XIX в., когда дворяне составляли 50% государственных служащих. Попадая на службу, разночинец действительно должен был усваивать взгляды и мораль большинства, иначе его работа была бы тяжёлой с психологической точки зрения. В начале XX в., когда дворяне перестали быть основной частью государственного аппарата, разночинцам не было никакой необходимости кардинально менять свои устоявшиеся принципы и нормы. Соответственно, чиновничья служба должна была потерять сословный характер не только на уровне закона, но и на уровне социально-психологических особенностей своих представителей.

Существенные изменения произошли в составе чиновничества белорусских губерний с точки зрения уровня образования его представителей. Для установления этого уровня, а также динамики его изменения нами были проанализированы те же формулярные списки за 1864–1876 гг. и 1900–1914 гг. [1–5]. Их данные позволили составить таблицы, характеризующие показатели образованности местной бюрократии. Данные в таблицах распределены по следующим рубрикам: 1) высшее; 2) незаконченное высшее; 3) среднее; 4) неполное среднее; 5) начальное; 6) домашнее. К имевшим «домашнее образование», помимо служащих, у которых в послужных списках имеется соответствующая запись, были отнесены чиновники с отсутствующими данными об образовании. Следует отметить, что формулярные списки с пустой графой, предназначенной для фиксации образовательного уровня чиновника, периодически встречаются. Отсутствие конкретных данных об образовании вряд ли стоит связывать с упущениями составителей формуляров. Образовательный ценз был одним из важнейших условий, принимавшихся во внимание при поступлении на службу. Следовательно, графа об образовании считалась одной из главных в послужном списке. Скорее всего, лица, в формулярных списках которых отсутствуют сведения об образовании, попросту не закончили никакого учебного заведения, получив «домашнее образование». Этот факт составители документов в силу его распространённости просто специально не оговаривали.

Согласно полученным данным, образовательный уровень чиновников белорусских губерний в 1864–1876 гг. выглядел следующим образом.

Таблица 3 – Образовательный уровень чиновников белорусских губерний в 1864–1876 гг.

Класс	Всего служащих	Образование					
		Высшее	Незаконченное высшее	Среднее	Неполное среднее	Начальное	Домашнее
III	–	–	–	–	–	–	–
IV	5	3	–	2	–	–	–
V	5	2	–	3	–	–	–
VI	5	2	–	3	–	–	–
VII	17	5	–	7	–	4	1
VIII	29	2	–	6	4	13	4
IX	36	–	1	4	4	19	8
X	37	1	–	9	6	19	2
XII	48	2	1	6	3	29	7
XIV	31	–	1	5	6	19	–
Без чина	50	–	–	6	4	30	10
Всего	263	17	3	51	27	133	32
%	100	6,5	1,1	19,4	10,3	50,6	12,2

Как видно из таблицы, в рассматриваемый период чиновники белорусских губерний не отличались высоким уровнем образованности. Служащих с высшим и незаконченным высшим образованием было 7,6%. Лиц со средним и неполным средним образованием имелось около 30% (в основном это были дворяне и выходцы из духовенства, закончившие гимназии, а также выпускники семинарий). Более половины рассматриваемых чиновников имели лишь начальное образование (в соответствующих графах чаще всего значится какое-либо уездное училище). Наконец, 12,2% служащих получили образовательную подготовку в доме родителей.

В 1900–1914 гг. картина образованности белорусского чиновничества выглядела несколько иначе (таблица 4).

Таблица 4 – Образовательный уровень чиновников белорусских губерний в 1900–1914 гг.

Класс чинов	Всего служащих	Образование					
		Высшее	Незаконченное высшее	Среднее	Неполное среднее	Начальное	Домашнее
III	–	–	–	–	–	–	–
IV	5	5	–	–	–	–	–
V	6	5	–	1	–	–	–
VI	1	–	–	1	–	–	–
VII	9	1	1	3	1	3	–
VIII	5	2	1	–	–	2	–
IX	5	–	–	1	1	2	1
X	14	–	–	2	2	10	–
XII	21	2	–	–	1	18	–
XIV	20	–	–	2	2	15	1
Без чина	32	–	–	1	5	20	6
Всего	118	15	2	11	12	70	8
%	100	12,7	1,7	9,3	10,2	59,3	6,8

Первое, что сразу обращает на себя внимание, – это значительный рост удельного веса чиновников, имеющих только начальное образование. После издания циркуляра «о кухаркиных детях» 1 июля 1887 г. среднее образование для большинства выходцев из крестьянского и мещанского сословия стало просто недоступным из-за значительного повышения стоимости обучения в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах.

Поэтому в 1900–1914 гг. почти 60% служащих имели лишь начальное образование, которое в этот период часто было профессиональным: землемерно-таксаторские классы, техническое железнодорожное училище, кондукторская школа и др.

Заметно выросло (с 7,6% до 14,4%) количество чиновников, получивших высшее и незаконченное высшее образование, зато снизилось число лиц (с 12,2% до 6,8%), получивших образовательную подготовку дома.

Заключение

Таким образом, в составе чиновничества белорусских губерний в течение второй половины XIX – начала XX вв. произошли существенные изменения. Изменилась социальная структура бюрократии: дворянство перестало составлять большинство губернской и уездной администрации, представителей благородного сословия существенно потеснили разночинцы. Совершенно новым явлением стало присутствие в бюрократическом аппарате (пусть и на низших должностях) выходцев из крестьянства, которое после 1906 г. стало весьма значительным. Местная бюрократия потеряла свой прежний сословный облик, о котором в начале XX в. напоминала только сохранившаяся дворянская монополия на высшие должности. Также в рассматриваемый период существенно изменился уровень образованности местной бюрократии. Заметно выросло количество чиновников (с 7,6% до 14,4%), получивших высшее и незаконченное высшее образование. Однако после издания циркуляра «о кухаркиных детях» 1 июля 1887 г. среднее образование для большинства выходцев из крестьян и мещанского сословия стало просто недоступным из-за значительного повышения стоимости обучения в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах. Поэтому в 1900 – 1914 гг. почти 60 % служащих имели лишь начальное образование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Формулярные списки о службе чиновников Могилёвской губернии // НИАБ. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 940, 966, 1006, 1034, 1035, 1048, 1050, 1063, 2144.
2. Формулярные списки о службе чиновников Минской губернии // НИАБ. – Фонд 299. – Оп. 7. – Д. 226, 227, 235, 236, 238, 242, 254, 255, 265, 281–283, 293–296, 302–307, 312–315, 403, 404, 416, 419.
3. Формулярные списки о службе чиновников Витебской губернии // НИАБ. – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 13096, 13099, 15042, 15248, 15255, 15511, 15512, 22784, 23057, 24960, 25219.
4. Формулярные списки о службе чиновников Гродненской губернии // НИАБ (Гродно). – Фонд 2. – Оп. 37. – Д. 2305, 2306, 2308.
5. Формулярные списки членов и чиновников Могилёвского губернского правления за 1914 г. // НИАБ. Фонд 2003. – Оп. 1. – Д. 675.
6. Формулярные списки о службе чиновников канцелярии Могилёвского губернатора за 1888 г. // НИАБ. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1212.
7. Дело об определении на государственную службу лиц всех сословий // РГИА. – Фонд 1289. – Оп. 8. – Д. 918.
8. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России : учебник для студентов вузов / Н.П. Ерошкин. – М. : Высшая школа, 1983. – 352 с.

Kuzmin A.D. Social Composition and Educational Level of Belarusian Provincial Officials in the 1864–1914 years

The author has studied social composition and an educational level of Belarusian provincial officials in the 1864–1914 years by the analysis of officials' track records, and also Memorable books of the Belarusian provinces. The practical importance of this article is determined by the possibility of use of its materials in research of social and cultural history of Belarus, state and right history, and also in historical anthropology.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.09.2014